

„НАСТУПАЕТ КАКАЯ-ТО ВСЕОБЩАЯ ИСПОВЕДЬ“: РУССКАЯ АВТОРСКАЯ ИСПОВЕДЬ XIX В.

1.

В XIX в. исповедальность пронизывает самые разные тексты¹. Русские авторы независимо от социальных, политических, философских, этических, эстетических и проч. Установок – сентименталисты, романтики, реалисты – обращаются к исповеди как в художественном, так и документально-автобиографическом творчестве. Ф.М. Достоевский специально акцентирует внимание на всепроникающей исповедальности, пронизывающей и собственно литературные произведения, и документы «личного происхождения»: дневники, заметки, письма, мемуары. Писатель отмечает:

Современная мысль (...) дошла до возможного своего рубежа и осматривается, роется кругом себя, сама осязает себя. Почти всякий начинает разбирать, анализировать и свет, и друг друга, и себя самого. Все осматриваются и обмеривают друг друга любопытными взглядами. Наступает какая-то всеобщая исповедь. Люди рассказываются, выписываются, анализируют самих же себя перед светом, часто с болью и муками. Тысячи новых точек зрения

---

¹ См. об этом: Л.Ф. Луцевич, *Разновидности русской писательской исповеди*, [w:] *Człowiek Świadomość. Komunikacja. Internet*, red. L. Szypielewicz, Warszawa 2012, s. 858-864; Л.Ф. Луцевич, *Писательская исповедь: к вопросу о типологии*, [w:] *Autobiografie pisarzy rosyjskich*. Studia Rossica XXI, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, Warszawa 2012, s. 19-30; Л.Ф. Луцевич, *Русская авторская исповедь XIX в.*, [w:] *Z Polskich Studiów Slawistycznych*, seria 13, t. 1, *Literaturoznawstwo. Kulturoznawstwo. Folklorystyka*, Prace na XVI Międzynarodowy Kongres Slawistów w Belgradzie 2018, red. B. Zieliński, Poznań 2018, s. 157-167; Л.Ф. Луцевич, *Исповедь как литературный жанр в России XIX века*, [в:] *XVI Međunarodni kongres slavista* (Београд 20-27 VIII 2018). Тезе и Резиме у два тома, т. 2: *Књижевност, култура, фолклор. Питанья славистике*, red. B. Suvajdžić, Београд 2018, с. 113-114.

открываются уже таким людям, которые никогда и не подозревали иметь на что-нибудь свою точку зрения².

Исповедальность, как зафиксировал писатель, становится, действительно, главенствующей тенденцией литературы XIX в. На первый план выдвинулись потребности личности в более глубоком самопознании, желание «открыться» миру во всей своей человеческой «целокупности» и утвердить таким образом право на свое мнение через самоанализ и самооценки.

Мои наблюдения касаются преимущественно исповедей автобиографических, авторы которых находятся в состоянии напряженного поиска истины о себе и о неразумном, жестоком, несправедливом мире. Они сосредоточивают внимание, казалось бы, на вопросах частных, сугубо личных, но за этой личностной исповедальностью нередко кроются проблемы общечеловеческого масштаба, решение которых соотносится с основополагающими христианскими ценностями. Стремясь понять себя, осознать процессы собственного развития (в том числе творческого), авторы исследуют свой душевно-духовный опыт, пытаются разгадать «скрытые пружины» событий и явлений, проникают в тайны психики, вырабатывают адекватные приемы самовыражения. Все в совокупности обуславливает доминирование *исповедальной нарративности* в литературе XIX в.

В публикуемой статье преследуется цель привлечь внимание к *автобиографической исповеди*. Эта жанровая разновидность, как оказалось, достаточно широко используется русскими авторами, но в должной степени пока не исследована. Библиографическое изучение литературного процесса XIX в. позволило выявить совокупность текстов, относящихся к указанному жанру. В статье представлен краткий обзор наиболее презентативных текстов, а также предложена их первичная классификация. При отборе материала для изучения и последующей классификации на первый план выдвинут формальный признак: наличие самого слова «исповедь» (или его синонимов: *признание, покаяние*) в названии или подзаголовке,

---

² Ф.М. Достоевский, *Петербургская летопись*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Собрание сочинений* в 15 т., т. 2: *Повести и рассказы 1848-1859*, Ленинград 1988, с. 24.

использование его непосредственно в тексте произведения. По сути исповедальных текстов, безусловно, значительно больше, чем формально маркировано: вся русская классика XIX в. исповедальна. Однако именно формальный признак позволяет ограничить материал и более конкретно обнаружить характер авторской рецепции.

2

Предваряя перечень автобиографических исповедей XIX в., отмечу, что в самом начале нового столетия Николай Карамзин, пародийно подражая Руссо, написал небольшую повесть под названием *Моя исповедь* (1802), герой которой некий граф NN оправдывает свою безудержную циничную откровенность модной тенденцией, получившей распространение в современной ему литературе:

Ныне всякий сочинитель романа спешит как можно скорее свой образ мыслей о важных и неважных предметах сообщить. Сверх того, сколько выходит книг под титулом «Мои опыты», «Тайный журнал моего сердца»! Что за перо, то и за искреннее признание. Как скоро нет в человеке старомодного варварского стыда, то всего легче быть автором исповеди. Тут не надобно ломать головы; надобно только вспомнить проказы свои, и книга готова³.

Из содержания «исповеди» графа NN совершенно очевидно, что повествователь сосредоточился исключительно на пороках, порожденных эгоизмом. Он прекрасно различает, что есть добро и что есть зло, однако чувство раскаяния абсолютно чуждо ему, этические мотивы и оценки намеренно удалены писателем из его самосознания. Карамзинская повесть обозначила героя нового времени с его сосредоточенностью на сугубо личной истории, центр которой составляют многочисленные любовные «проказы», но главное в герое – это намеренный эпатаж его эгоистических признаний, циничное пренебрежение общественным мнением ради одной единственной цели: сосредоточить внимание на своей особе и таким образом прославиться. Воплотив в своем протоганисте, ничем не необузданное

---

³ Н.М. Карамзин, *Избранные сочинения*: 2 т., т. 1, Москва-Ленинград 1964, с. 729.

«эго», писатель в самом начале века предупредил современников о «величайшем зле», провоцирующим вседозволенность.

В отличие от художественного образа, созданного Карамзиным, авторы многих автобиографических исповедей зачастую вовсе не стремятся к славе; чаще они стараются понять и объяснить себе и своим адресатам вольные или невольные «грехи» и по возможности убедительно оправдаться ради «устроения» своего будущего.

Далее в хронологической последовательности кратко описаны наиболее показательные исповедално-автобиографические произведения XIX в.

3

В 1829 г. Петр Вяземский (1792-1878) пишет *Мою Исповедь*. К тому времени он известный поэт, литературный критик, переводчик и почти десять лет как бывший государственный чиновник⁴. Исповедуется он перед Николаем I в либеральных грехах молодости варшавского периода в надежде вернуться на государственную службу (немало места уделено в исповеди особенностям русской политики в царстве Польском). Исповедь князя не содержит никаких религиозных коннотаций, основным ее содержанием становится изложение происходивших событий (в том виде, в каком они предстают в сознании автора по истечении прошедшего десятилетия), разоблачение наветов недоброжелателей, восстановление своего доброго имени. Князь последовательно демонстрирует неосновательность «обвинений», отсутствие какой-либо реальной «вины» с его стороны и соответственно несправедливость наказания — отстранение от службы. В исповеди он активно использует лексику судебного дискурса: *суд, правосудие, обвинение, показание, наказание, преступление, приговор* и проч. При этом подчеркивает, что написал *не оправдание, не «адвокатскую защиту себя», а полную*

---

⁴ Первоначально *Записка о князе Вяземском, им самим составленная* (1828–1829) предназначалась для царя Николая I и его ближайшего окружения. Сам Вяземский называл «Записку» «исповедью» в письмах к В.А. Жуковскому от декабря 1828 и 10 января 1829 г. См.: П.А., Вяземский *Полное собрание сочинений: в 12 т.* Санкт-Петербург 1878–1896, т. 1, 1878, с. 85. В *Полном собрании сочинений «Записка...»* получила название *Моя исповедь*.

и безооговорочную исповедь, где высказал себя всего⁵ – со всей искренностью, с чистой совестью, не скрывая недостатков, а порой, может быть, с неуместной откровенностью. Защищая свою честь, князь требует справедливого разбирательства по всем вопросам:

На обвинение в порочности нравов моих и поведения моего в Петербурге прошу и суда и ограждения меня впредь от подобной клеветы наказанием клеветников. Если обвинение падает на какое-нибудь мое сочинение, прошу обвинения и требования меня в ответу; если на мои частные письма – прошу выслушать мое сознание и оправдание⁶.

В конечном итоге цель была достигнута: в 1830 г. поэт вновь принят на государственную службу. Исповедь, обращенная к императору, выполнила свое назначение.

Сам император Николай I (1796-1855) в 1831 г. на французском языке пишет *Ma confession*⁷ – тайную исповедь для самого себя, где подробно рассматривает взаимоотношения России и Европы; резко критикует при этом Австрию и Пруссию – партнеров по Священному союзу, не исполняющих принятые на себя обязательства перед Россией; император скрупулезно анализирует сложившуюся ситуацию в период наступивших европейских революций, вырабатывает политическую доктрину, обосновывая для себя идею самодостаточности и независимости России от союзников; считает свой опыт подавления декабристского мятежа уроком, который может быть чрезвычайно полезен в новых условиях для европейцев (при этом ни слова о взбунтовавшейся Польше!).

В 1832 г. появляется *Моя жизнь, или Исповедь* «народного» писателя, популярного романиста Александра Орлова (1790-1840)⁸. Сын сельского пономаря, семинарист, студент Московского университета, учитель в помещичьих домах, приказный в Уголовной

---

⁵ П.А. Вяземский, *Моя исповедь*, [в:] П.А. Вяземский, *Полное собрание сочинений: в 12 т.*, Санкт-Петербург 1878-1896, т. 2: 1827-1851, 1879, с. 106.

⁶ *Ibidem*, с. 101.

⁷ Л.Ф.Луцевич, «Буду говорить, как сам видел, чувствовал — от чистого сердца...», [в:] *Текст и традиция: альманах*, 6, ред. Е. Водолазкин, Санкт-Петербург 2018, с. 107-127.

⁸ См.: Орлов А., *Моя жизнь или исповедь: московские происшествия Александра Орлова*, в 2 ч., Москва 1832.

палате, Орлов, непрестанно борясь с нищетой и унижениями, писал свои бесчисленные рассказы, повести, романы; а в исповеди пересказал читателям свою горькую, трудную жизнь.

Что-то такое есть, что, так сказать, гонит от меня счастье... Упрекают меня, почему я занимаюсь столь ничтожными произведениями тогда, когда-бы я мог произвести что-нибудь лучшее. Но это знает моя одна нужда! Ежели другие имеют годового дохода тысячу, а мне в год не дают и двухсот рублей; ежели другие занимают стулья, а мне не дают места на скамейке в числе самых ничтожных писцов; ежели другой встает окружен изобилием, а я не имею куска черствого хлеба и не в состоянии заплатить пяти рублей за квартиру; ежели у другого полки уставлены книгами, а у меня не на что купить пера, чернил и бумаги: то между мною и другими разница велика; а по сей причине мне ничего не остается делать, как смеяться над несчастиями и готовить себе после гроба другим воспоминание: Орлов умер в нищете! И был – Олицетворенная Нищета!⁹

По словам исследователя, Орлов создает свою публичную исповедь как некий «образчик failed life, антижития»¹⁰.

В 1847 г. Николай Гоголь (1809-1852) трудится над «повестью моего авторства»¹¹. Степан Шевырев издает эту «повесть» уже после смерти Гоголя под названием *Авторская исповедь*. Текст спровоцирован, во-первых, болезнью, которая казалась писателю смертельной; а во-вторых, негативным восприятием современниками настоящей «исповеди», как указывает Гоголь, – *Выбранных мест из*

---

⁹ Цит. по: Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы, собрал и дополнил А.В. Смирнов. Вып. 4-й. <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/aleksandrov/r/66-1-0-2726>, [дата доступа: 01.10.2019].

¹⁰ Д. Сдвижков, *Новая личность и новая религиозность в русской автобиографии XVIII – первой половины XIX века*, [в:] *Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века*, ред. Л. Манчестер, Д. Сдвижкова, Москва 2019, с. 41.

¹¹ См. подробнее: Л.Ф. Луцевич, «Авторская исповедь» Гоголя: текст и контекст, [в:] *Двести лет Гоголя*, ред. В. Щукин, Кракów 2011, с. 27-37; Л.Ф. Луцевич, *Авторецепция как попытка формирования литературной репутации в «Авторской исповеди» Николая Гоголя*, [в:] *Творчество Гоголя и русская общественная мысль. XIII Гоголевские чтения*, Москва 2013, с. 176-184; Л.Ф. Луцевич, *Писательская исповедь Николая Гоголя как опыт «внутреннего строения» (В свете биографической концепции Ю.М. Лотмана)*, „Studia Rossica Gedanensia 2”, ред. Е. Konefał, W. Stec, K. Wojan, Gdańsk 2015, с. 196-205.

переписки с друзьями (1847). Исповедуясь по сути перед Белинским (реакция на зальцбруннское письмо критика), писатель отрывается от художественного творчества и устремляется на путь проповедничества. Исповедь до Белинского не дошла. В 1848 г. критик умер. А Гоголь к *Авторской исповеди* больше никогда не возвращался.

В 1849 г. свои признательные *Показания*¹² в форме исповеди дал Александр Баласогло (1813-1893) – гардемарин Черноморского флота, участник войны с Турцией (1828-1829), поэт, «утопист», «коммунист», «фурьерист»¹³, один из первых посетителей «пятниц» Петрашевского. В 1849 он был арестован, заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. В течение четырех суток, ничего не скрывая, на 22-х листах он «изложил свою душу», предоставив следствию «полную духовную исповедь всех своих дел и помышлений»¹⁴. В результате следственных розысканий было установлено, что Баласогло ничего не знал о «тягостных» намерениях «заговорщиков» – планах создания тайной типографии. Он был освобожден из-под ареста и отправлен на службу в Олонецкую губернию, там в 1851 – после тяжелого нервного потрясения – его сразило душевное заболевание, от которого бывший петрашевец так никогда и не оправился.

Ярким образцом политической *Исповеди* (1851) стали признания Михаила Бакунина (1814-1876), подробно описавшего свои «преступления», находясь в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, куда был заключен за участие в европейских революциях 1848-1849 гг. Николай I лично пожелал ознакомиться с чистосердечным покаянием политического узника, написанным так, «как духовный сын пишет духовному отцу»¹⁵. Бакунин вынужден был согласиться на императорское предложение: «Да, государь, я буду исповедываться Вам как духовному отцу, от которого человек ожидает не здесь, но для другого мира прощения (...)»¹⁶. В данном

---

¹² *Показание А.П. Баласогло, [в:] Дело Петрашевцев: в 2 т., т. 2, отв. ред. В.А. Десницкий, Москва-Ленинград 1941, с. 54-98.*

¹³ *Ibidem*, с. 96.

¹⁴ *Ibidem*, с. 55.

¹⁵ М.А. Бакунин, *Исповедь*, комм. Ю.М. Стеклов, Санкт-Петербург 2010, с. 25.

¹⁶ *Ibidem*.

контексте, думается, уместно напомнить размышления Мишеля Фуко об императивном принуждении любой власти «к признаниям» со стороны подданных:

Когда признание не является спонтанным или предписанным неким внутренним императивом, оно вымогается; его выколачивают из души или вырывают у тела. Начиная со средних веков, пытка сопровождает его как тень и поощряет его (...) И самая безоружная нежность, и самые кровавые проявления власти равно нуждаются в исповеди. Человек на Западе стал признающимся животным¹⁷.

Бакунин написал «выколоченную из души» исповедь, опираясь при этом на гетевский принцип: «нечто вроде *Dichtung und Wahrheit*» (поэзия и вымысел; правда и вымысел), где правда – это факты, воссозданные в тексте, а поэзия – истолкование (неизбежно субъективное) этих фактов. Он избежал казни. А по истечении времени уже Александр II разрешил ему выехать на вольное поселение в Сибирь; оттуда Бакунин успешно бежит в Америку, а затем переправляется в Лондон к единомышленнику – Александру Герцену, где вновь занимается революционной деятельностью.

Необычна *Моя исповедь* (1862) Николая Огарева (1813-1877)¹⁸ – также соратника Герцена. Автор называет ее физиологической (или антропологической). Это, действительно, опыт самоанализа, ведущегося с позиций «естествоиспытателя»¹⁹. Пережив под влиянием позитивистских идей Огюста Конта (*Auguste Comte, Cours de philosophie positive, I-IV, 1830-1842*) страстное увлечение естественными науками с их жестким законом детерминизма, Огарев пришел к убеждению, что история, социальная жизнь людей основываются на антропологии,

---

¹⁷ М. Фуко, *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*, сост. пер. с франц., комм. и послесл. С. Табачниковой, Москва 1996, с. 158.

¹⁸ Исповедальность постоянно привлекает внимание Огарева, получая выражение и в художественном творчестве. В 1842 г. он пишет стихотворение под названием *Исповедь*; в 1858-1859 гг. работает над драмой *Исповедь лишнего человека. Сцены*, где образ главного героя – Николая Петровича, наделен некоторыми автобиографическими чертами.

¹⁹ См. подробнее: Л.Ф. Луцевич, *Исповедь как авторский жизнетекст в антропологической перспективе*, [в:] *Антропология литературы: методологические аспекты проблемы*: в 3 ч., 1 ч., гл. ред. Т.Е. Автухович, Гродно 2013, с. 11-20.

а антропология в свою очередь – на физиологии человека. В автобиографической исповеди, избрав для себя позицию естествоиспытателя, автор занялся выявлением принципов детерминизма (причинности и закономерностей) в человеческой природе, рассматривая себя как конкретную биологическую особь: «каким образом это животное, которое называют Н. Огарев, вышло именно таким, а не иным (...) Моя исповедь должна быть отрывком из физиологической патологии человеческой личности»²⁰. Исповедь Огарева как опыт антропологической интерпретации «истории личного пути» занимает особое место среди русских писательских исповедей XIX в., предваряя в некоторой степени опыт самопостроения личности Льва Толстого.

В 1867 г. свою *Исповедь* обращает к Александру II писатель, историк старообрядчества, этнограф Василий Кельсиев (1835-1872)²¹ – политический эмигрант, сотрудник Герцена, обретавший в Англии, Турции, Польше, др. странах, похоронивший за границей всех родных – брата, сына, жену... Разочаровавшись в идейных устремлениях лондонских идеологов, в собственной революционной пропаганде, он пересмотрел свои взгляды, раскаялся в своих действиях, вернулся в Россию. Оказавшись в заключении, в течение месяца написал покаянную *Исповедь*, где подробно рассказал о жизни и «верованиях» 60-х гг., о «деятели против правительства»²², подчеркнув, что исповедь его предпринята «во имя России», чтобы привлечь внимание к «причинам и обстоятельствам, вызвавшим (...) явления вроде нигилистов или эмигрантов»²³, которые разрушают страну. Получив помилование, Кельсиев получил и право поступления на государственную службу; он занялся литературой, начал сотрудничать с консервативными изданиями. В 1868 г. издал мемуарную книгу

---

²⁰ Н.П. Огарев, *Избранное*, вст. статья, подгот. текста и примеч. Г. Елизаветиной, Москва 1977, с. 302-303.

²¹ См. подробнее: Л.Ф. Луцевич, *Польский вопрос в «Исповеди» Василия Кельсиева*, [w:] *Polska – Rosja: dialog kultur*. Tom poświęcony pamięci profesor Jeleny Cybienko, Studia Rossica XXII, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, Warszawa 2012, s. 135-150.

²² В.И. Кельсиев, *Исповедь*, подгот. к печати Е. Книгисепп, вст. ст. и ком. М. Клевенского, [в:] *Литературное наследство*, т. 41-42, кн. 2, Ленинград 1941, с. 26.

²³ *Ibidem*, с. 268.

Пережитое и передуманное (СПб., 1868) – сокращённую для легальной печати версию своей *Исповеди*.

В 1871 г. *Исповедь* пишет Иван Прыжов (1827-1885) – ученый, историк, этнограф (в 1868 г. издал уникальное исследование *История кабаков в России в связи с историей русского народа*); он же – самый старший (43 года) среди нечаевцев (один из участников убийства студента Ивана Иванова). Исповедь он пишет от 3 лица для своего адвоката как материал для защиты, показания дает весьма откровенные, в содеянном не раскаивается. Свое участие в нечаевской организации объясняет стечением неблагоприятных жизненных обстоятельств:

Я был чисто труженик; был еще честный человек; я по самой природе не был агитатором (...) в агитаторы меня выдвинули, вымучили, выдавили (...) Мне предстояло два пути: правительство и радикалы. Обратись я к первому, оно бы плюнуло на меня. Я обратился ко второму, но условия мои к нему не подошли, и мы должны были разойтись. Вот и все преступление Прыжова!²⁴

Обращаясь к своему адвокату, Прыжов высказывает свои пожелания:

Чего бы я желал? Оставаться в Великороссии – не хочу, никогда. Жить в глуши, хоть в Иркутске, только иметь средства работать, т.е. не умереть с голоду (...) Но боюсь, что и этого не будет, т.е. сошлют на голодную смерть. Поэтому не сочтете ли приличным заявить, что вы совсем не защищаете меня от ссылки (...) вы, принимая во внимание нашу ученую нищету, и самую постыдную, желаете сберечь меня, чтобы я мог сделать что-либо доброе, а не умереть в ссылке с голоду и бесплодно²⁵.

Обвинение вменяло Прыжову в вину «заговор с целью ниспровержения правительства во всем государстве и перемены

---

²⁴ И.Г. Прыжов, *Исповедь*, [в:] И.Г. Прыжов, *Очерки. Статьи. Письма*, ред., ввводн. ст. и комм. М.С. Альтмана, Москва-Ленинград 1934, с. 25.

²⁵ *Ibidem*, с. 29.

образа правления в России»²⁶. По приговору суда «преступник» подвергся «публичной казни»: возведен на эшафот (как атеист он отказался от причастия), лишенен прав состояния, сослан на каторгу в Сибирь. Судя по тяжести обвинения, Прыжов получил желаемый им – «мягкий», приговор.

1874 годом датируется *Литературная исповедь* Алексея Толстого (1817-1875) – поэта, прозаика, драматурга. Непосредственным толчком для этой исповеди явилась просьба итальянского учёного графа Анджело де Губернатиса, собиравшего материалы для своего словаря о современных литераторах (*Dizionario biografico dei scrittori contemporanei*, 1879-1882). Губернатис и Толстой были знакомы; поэт с удовольствием откликнулся на просьбу. В ответном письме он согласился описать «биографические подробности, касающиеся (...) литературной деятельности», предоставляя своему корреспонденту «возможно более полную исповедь»²⁷. При некоторых ограничениях исповедь поэта являет ценный опыт самоосмысления, осознания себя как личности и как художника, попытку прояснить свои жизненные и творческие устремления, определить свое предназначение. Толстой, составляя свое письмо-исповедь, сознательно или бессознательно, выбирает в качестве определяющей стратегии не столько подробности биографической истины (истории жизни «как она была»), сколько создание общего очерка жизни и творчества в той версии, которая для него самого – в отношениях именно с этим адресатом – была наиболее оптимальна. Эта исповедь до сегодняшнего дня остается основным биографическим материалом о поэте.

В 1876-1877 создана *Моя исповедь. Записки русского солдата* – офицера, декабриста, литератора Евдокима Лачинова (1799-1875). Как участник восстания он был лишен чинов, ордена, дворянского достоинства и записан рядовым в действующие батальоны полков 20-й дивизии за то, что «он, зная не только о существовании и цели злоумышленного общества, но даже о времени и способах,

---

²⁶ Цит. по: А.Г. Звягинцев, *Роковая Фемида. Драматические судьбы знаменитых российских юристов*, Москва 2012, с. 117.

²⁷ А.К.Толстой, *Собрание сочинений*: в 4 т., т. 4, под ред. И. Ямпольского, Москва 1969, с. 390.

предполагаемых для приведения оных в действие, не объявил о том начальству»²⁸. Лачинов был сослан на Кавказ, участвовал в сражениях, регулярно вел дневники и разного рода записки. Сохранившиеся материалы имеют общее заглавие *Моя исповедь*. Здесь автор последовательно рассказывает об аресте, о времени, проведенном в заключении, и очень сдержанно говорит о себе как о политическом заговорщике: «Очень желал я, чтоб исповедь моя вполне изображала всего меня. Однако вижу, что намерение мое неудачно исполнилось и что много оставлено на догадку читателя; а такие дополнения могут быть или слишком выгодны, или невыгодны для меня (...)»²⁹. Полностью исповедь Лачинова никогда не издавалась.

В 1878 г. *Мою исповедь* завершил писатель, богослов, философ – Константин Леонтьев (1831-1891)³⁰. Еще ранее он написал повесть *Исповедь мужа* (1864), которую впоследствии называл сочинением «греховным», «дьявольским», «тонко-развратным»³¹, а современный исследователь обнаружил немало общего между протагонистом и его автором³². Центральным событием собственно автобиографической *Моей исповеди* становится поворотный момент в биографии Леонтьева – духовный кризис, приведший его к православию. В 1871 г. внезапно он тяжело заболел (по его предположению, холерой), испытал жуткий страх смерти. В отчаянии обратился с молитвой к Богородице о спасении, обещая в случае выздоровления принять монашеский постриг. Через два часа почувствовал облегчение. В исповеди автобиографической на личном примере писатель показывает, что решение встать на религиозный путь истинного православия не ведет

²⁸ Цит по: *Декабристы об Армении и Закавказье*. (Сборник документов и материалов), ч. 1, Ереван 1985 http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Lacinov_E_E_II/pred.htm, [дата доступа: 01.10.2019].

²⁹ Цит. по: М.Г. Нерсисян, *Декабрист Е. Лачинов и его записки об Армении*, [в:] *Из истории русско-армянских отношений*, кн. 1, Ереван: 1956, с. 179–220. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Lacinov_E_E/pred2.htm, [дата доступа: 01.10.2019].

³⁰ Л.Ф. Луцевич, *Исповедь Константина Леонтьева: текст и контекст*, [в:] *Текст и традиция*, 4, гл. ред. Е. Водолазкин, Санкт-Петербург 2016, с. 41-58; Л.Ф.Луцевич, *Константин Леонтьев: Авторцепция и/или автопортрет?*, „Slavia Orientalis” 2016, nr 3 (t. LXV), s. 465-477.

³¹ Леонтьев К.Н., *Полное собрание сочинений и писем*: в 12 т., т. 6 (2), ред. В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко, Санкт-Петербург 2004, с. 18.

³² *Ibidem*, с. 110.

автоматически к новой жизни. Его ожидания быстрого и заметного внутреннего преобразования не оправдываются. Он по-прежнему в течение долгих лет испытывает разного рода сомнения, неудовлетворен своим положением, не способен обрести ровное состояние духа. В результате в исповеди обращения он не столько кается, сколько сетует, негодует, жалуется. К теме своего религиозного обращения Леонтьев будет постоянно возвращаться, пытаться всякий раз понять, объяснить, истолковать собственную «натуру» самому себе и окружению.

В 1879 г. увидела свет автобиографическая повесть *Исповедь души* Валентина Ярмонкина (1847[1848]-?) – писателя, публициста-монархиста, редактора журнала «Вестник Русского Собрания». В исповеди представлены эпизоды из жизни 27-летнего молодого человека: его юность и молодость, первая любовь, отъезд из кавказского городка пароходом по Волге в Петербург, годы обучения, Петербург и его окрестности, студенческие шалости, адвокатская деятельность. Переоценка былых ценностей, желание кардинальных перемен происходит в сознании молодого адвоката под влиянием наблюдений за безысходной жизнью членов одной безымянной семьи, трагически погибающей от бедности, бесправия, беззакония. Описывая поездку на родину, автор сосредоточивается на внутренних ощущениях, полудетских страхах: «нервы настроены как-то пугливо; весь организм находится в крайнем возбуждении; все чудится и чудится...»³³. В конечном итоге ночные ужасы, мучительные грезы, горестные размышления о тяготах деревенской жизни постепенно вытесняются в сознании героя всепобеждающим покоем и гармонией, разлитыми в окружающую его природу.

В 1879-1882 г. над *Вступлением к ненапечатанному сочинению (для Исследования догматического богословия)* – впоследствии названным *Исповедью* – работает Лев Толстой (1828-1910)³⁴. Толстой

---

³³ В.В. Ярмонкин, *Исповедь души*, Санкт-Петербург 1879, с. 71.

³⁴ См. подробнее: Л.Ф. Луцевич, *Исповедь Льва Толстого: анализ, покаяние, поиски истины веры*, „Slawia Orientalis”, Rocznik LIX, nr 4, Warszawa 2010, s. 467-486; Л.Ф. Луцевич, *Вопрос о смысле жизни в «Исповеди» Л.Н. Толстого*, [в:] *Славянские чтения VIII*, Daugawpils 2011, s. 65-77; Л.Ф. Луцевич, *«Исповедь» Л.Н. Толстого*, [в:] *Рецепция личности и творчества Льва Толстого*, сост. и науч. ред. Л.Е. Бушканец, Казань 2017,

проанализировал главные интенции своей жизни, приведшие его к «отпадению от веры», искреннее раскаялся в грехах и ошибках своей юности, молодости, зрелости, рассмотрел характерологическую сущность собственной личности до «перелома», дал резко негативные оценки и характеристики себя в прошлом, наметил пути позитивных поисков истины веры, устремляясь к религии, близкой простому народу. Толстой обрел в конечном итоге «истинное понимание» христианства как учения о сотворении добра. При этом он отверг догматическую сторону православия, восприняв христианство исключительно как моральное учение, сведя его к этике любви и непротivления, к поиску добра.

В 1881-1882 появилась *Моя полная предсмертная исповедь*³⁵ – фактически история жизни – беллетриста (автора нескольких романов), «чухломского дворянина и международного лексикографа», гитариста-концертанта Николая Макарова (1810-1890). Ранее Макаров написал автобиографическую повесть *Задумевная исповедь. Назидательная быль с вариациями на «точки зрения»*, которая была опубликована в «Современнике» (1859, № 11) с кратким послесловием Николая Добролюбова. Критик заметил, что автор «вовсе не выставляется пред читателями идеалом добродетели и непогрешимости», но в его исповеди, несмотря на художественную посредственность, можно найти «искреннее, простосердечное, непосредственное изображение многих (...) сторон русской жизни»³⁶. Позже *Задумевная исповедь* была включена Макаровым в полную двухтомную исповедь, где автор, начиная с младенчества, «описал до мельчайших подробностей свою жизнь со всеми злоключениями

с. 7-37; Л.Ф. Луцевич, *Ранние дневники Льва Толстого как автопретекст «Исповеди», „Studia Rossica Gedanensia”, nr 5, Gdańsk 2018, s. 185-199; Л.Ф. Луцевич, «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?» (Исповедальные размышления Льва Толстого о смерти), [w:] Slavica Wratislaviensia, Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich, t. 13: Tanatos, red. E. Tyszkowska-Kasprzak, współpraca S. Kamińska-Maciąg, Wrocław 2018, s. 191-203.*

³⁵ Н.П. Макаров, *Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь*, ч. 1-2, С-Петербург 1881-1882.

³⁶ [Н.А. Добролюбов], *Несколько слов от редакции по поводу предыдущей статьи*, [в:] Н.А. Добролюбов, *Собрание сочинений*: в 9 т., т. 5: *Статьи и рецензии (июль-декабрь 1859)*, Москва-Ленинград 1962, http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_1410.shtml, [дата доступа: 01.10.2019].

и испытаниями судьбы, далеко не баловавшей его»³⁷; поведал своим современникам о «неизбывных горе, тоске, оскорблениях, обидах», которые «раскаленным камнем лежали на дне (...) измученной души, жгли, резали, рвали ее»³⁸; рассказал и о «себяфобии», которая вытекала «из преувеличенного ли самолюбия, из остатков ли (...) детства – застенчивости, <букости>, из чрезвычайной ли (...) мнительности, щекотливости, или из хронической недоверчивости к самому себе, к своим способностям, к своей злой судьбе»³⁹. Исповедь Макарова в начале 1930-х гг. привлекла внимание Бориса Эхенбаума, который на ее основе написал ироническую биографическую повесть о нелепом «чудаке» – *Маршрут в бессмертие (Жизнь и подвиги чухломского дворянина и международного лексикографа Николая Петровича Макарова)*⁴⁰. В наши дни эта повесть (не замеченная критикой в свое время) неожиданно стала предметом, с одной стороны, серьезного научного изучения⁴¹, а с другой – резкого, беспощадного суда⁴². Отношение авторов к повести Б. Эхенбаума непосредственно сказывается на оценочном восприятии главного героя – Николая Макарова, и его исповеди.

Как видно из обзора, в XIX в. ряд авторов – участников тех или иных политических процессов, вынуждены исповедаваться в своих идеологических пристрастиях. К концу столетия на русской почве политическая исповедь может являть собой достаточно последовательное исповедание такой «новой веры», как социализм. Такова, в частности, *Биография-исповедь* (1885-1889) идеолога революционного народничества Петра Лаврова (1823-1900). Его «исповедание» структурно состоит из двух разделов: I. *Биографические данные*

---

³⁷ П. Быков, Н.П. Макаров (*Некролог*), „Всемирная иллюстрация” 1891, т. XLV, № 3, 12 января, с. 47-48.

³⁸ Н.П. Макаров, *Ко всей читающей русской публике*, [в:] Макаров Н.П., *Извлечения и выдержки из моих семидесятилетних воспоминаний*, Санкт-Петербург 1881-1882, с. VI.

³⁹ Н.П. Макаров, *Mea culpa* (*Несу повинную*), [в:] *Ibidem*, с. 16.

⁴⁰ См.: Б.М. Эхенбаум, *Маршрут в бессмертие*, Москва 1933.

⁴¹ См.: М.Г. Соколянский, *Повесть Б.М. Эхенбаума «Маршрут в бессмертие» как опыт филологической прозы*, „Russian Literature” [Amsterdam], LVIII-III/IV, 1 October – 15 November 2005, s. 445–466.

⁴² См.: В. Тавровский, *Ложный маршрут Эхенбаума. (О недостоверности книги Б.М. Эхенбаума «Маршрут в бессмертие» как биографического источника)*, [в:] „История гитары в лицах”. Рыцарь гитары, 2016, № 3-4, (18/19), с. 95-108.

(представленные в повествовании от 3 лица); II. *Учение* (1. *Общее мировоззрение*; 2. *Этика*; 3. *Социология и социализм*; 4. *История и ее отношение к антропологии*; 5. *Практические задачи по отношению к России*). Свое мировоззрение Лавров называет «антропологическим», сосредоточивает все свое внимание на мыслящей личности как носителе высокой нравственности, которая в свою очередь формируется усилиями воли, направленной на концентрацию всех физических и духовных сил. Автор не принимает теоцентричной картины мира, поскольку она умозрительна и бездоказательна. Отношение Лаврова к религии позиционируется им как «объективное»: выполнив свою роль «в доисторический период», религия с течением времени атрофируется, а в недалеком будущем исчезает вовсе:

Религиозное настроение есть для Лаврова настроение патологическое (...) Признавая обширную роль религии в эволюции человечества, особенно в доисторический период, Лавров пытался доказать, что, собственно, все творчество религиозной мысли принадлежит этому периоду; в течение же истории под названием религии работает исключительно мысль философская – эстетическая и позже нравственная; религиозный элемент все атрофируется и встречается лишь в переживаниях прошлого, и цивилизация нового времени есть по своей существенной характеристике цивилизация светская, стремящаяся выделить из себя всякий религиозный элемент, который окончательно и должен из нее исчезнуть⁴³.

Философ предпринял создание своей биографии-исповеди прежде всего для того, чтобы личным примером укрепить веру молодых соратников в идеи социализма. Он убежден, что русский социалист должен не только всеми силами содействовать распространению социалистических идей в обществе, но и в процессе собственной жизни неустанно воплощать их.

---

⁴³ П.Л. Лавров, *Биография-исповедь*, [в:] П.Л. Лавров, *Философия и социология. Избранные произведения* в 2 т., т. 2, сост. и примеч. И.С. Книжника-Ветрова, Москва 1965, с. 635.

В это же время свое политическое покаянное *Прошение о помиловании* (1888) создает и Лев Тихомиров (1852-1923)⁴⁴ – один из лидеров «Народной воли», «голова организации», ее «золотое перо», публицист, писатель, редактор подпольной типографии. Будучи убежденным нигилистом, революционером, сторонником царевбийства в 1870-е гг., он отрывается от своего радикального прошлого в конце 1880-х гг., становится глубоко верующим христианином, признающим истинность православия и идеологом монархии. Теперь он считает свою причастность к терроризму «преступной уступкой» революционным настроениям, временным затмением, когда ум и совесть оказывались «омрачены общим туманом»⁴⁵. *Прошение* – это развернутая исповедь с ясным желанием автора открыть свои грехи, трактуемые как «тяжкий кошмар безумного прошлого». Текст включает в себя ретроспективное повествование о жизни автора в состоянии «революционной горячки»; при этом структурно-семантический центр текста составляет «длинный ряд политических преступлений»⁴⁶. Осознание грехов, как и в христианской исповеди, сопровождается не только раскаянием в «бесчисленных винах» в прошлом, но и кардинальным пересмотром взглядов и системы ценностей в настоящем. Результатом покаяния становится метанойя: принципиальная перемена убеждений и новый образ жизни.

Стоит упомянуть и о *Политической исповеди современного поляка* (1897) Дариуша Багницкого (Dariusz Bagnicki, 1852-1910) – публициста, «много думавшего о положении польской народности»⁴⁷. Исповедь, изданная на польском и русском языках, призвана, по словам ее создателя, прежде всего обратить должное внимание на принципиальные стороны русско-польских отношений⁴⁸. Анализируя свой жизненный опыт, Багницкий обнаруживает в нем некие типологические черты и призывает народы к толерантности:

---

⁴⁴ Л.А. Тихомиров, *Прошение о помиловании*, [в:] Л.А. Тихомиров, *Воспоминания*, предисл. В.И. Невского, вступ. ст. В.Н. Фигнер, Москва-Ленинград 1927, с. 240-251.

⁴⁵ *Ibidem*, s. 243.

⁴⁶ *Ibidem*, s. 240.

⁴⁷ Д. Багницкий, *Политическая исповедь современного поляка*, Санкт-Петербург 1897, с. II.

⁴⁸ *Ibidem*, с. 40.

(...) традиционный, вынесенный из семейной обстановки сепаратистический польский патриотизм, атрофированный русской гимназической жизнью, был разбужен во мне русским университетом, чистокровными русскими профессорами, русской политической наукой, популярной русской публицистикой. Так как, едва ли я первый и последний поляк, который, состоя в русском подданстве, повергся умственному воздействию в этом направлении, то может быть, совестливые русские читатели, познакомившись с моим «случаем», перестанут относиться с беспощадной строгостью ко всякому, даже совсем отвлеченному, «польскому мечтательству»⁴⁹.

В своем повествовании автор, указывая на «грехи» взаимонепонимания между россиянами и поляками, исповедует уважительные отношения между народами, предлагая компромиссное решение национальных и социально-политических проблем.

Приведенный обзор текстов показывает, что к жанру авторской исповеди обращались и крупнейшие писатели столетия, и мало известные или вовсе забытые литераторы. Причины, цели, задачи, как и адресаты авторских исповедей, как видно, различны.

4

В целом русские авторские исповеди XIX в. включают в себя достаточно пестрый, неоднородный материал, что и определяет их широкий тематический диапазон. С одной стороны, существуют уникальные сложнейшие исповедальные тексты, в которых доминирует религиозно-философский дискурс. Недостигаемый образец – *Исповедь* (1879-1882) Льва Толстого. Это сложнейший религиозно-философский, социально-этический, литературно-публицистический текст, которому соответственно присущи многотемность, полижанровость, стилистическое разнообразие. С другой стороны, немало исповедей тематически конкретизированных, так сказать, «упорядоченных». Авторы таких исповедей преследуют конкретную цель, обращены к конкретной личности, сосредоточены на конкретном «предмете» (событии, поступке, свойстве характера

---

⁴⁹ *Ibidem*, с. 11.

и проч.). Такова, например, незаконченная *Моя исповедь* (1871) Николая Мартынова (1815-1875), где «дурной» характер Михаила Лермонтова призван оправдать смертоубийство, трактуемое автором как «несчастное событие», «происшествие», по поводу которого у него к концу жизни возникло «желание высказаться», «облегчить свою совесть откровенным признанием самых заветных помыслов и движений сердца»⁵⁰. Есть попытки откровенного признания, но ни покаяния, ни раскаяния в этой т.н. «исповеди» нет. Это единственная в литературе XIX в. исповедь нераскаявшегося убийцы.

Существуют исповеди «поли» (тематические, проблемные, жанровые, стилистические, телеологические, функциональные и проч.), существуют исповеди преимущественно «моно» (одно событие, одна цель, конкретный человек-адресат) и есть исповеди «смешанные». Чаще встречаются смешанные. Такая первичная дифференциация обусловлена внутренней жанрово-литературной аналогией: повесть, рассказ, очерк, письмо.

Изучение русских авторских исповедей XIX в. позволяет классифицировать их по сюжетно-тематическому и жанровому принципу. С определенной степенью условности можно выделить несколько разновидностей автобиографических исповедей.

I. Исповеди-покаяния, ориентированные на раскаяние в грехах и исповедание христианского вероучения (*религиозные*), основу которых составляет сюжет *обращения* (Фонвизин, Гоголь, Леонтьев, Толстой).

II. Исповеди-признания в (объяснения, обвинения, доносы) (*бытовые?*) где доминирует авторское самооправдание в неблагоприятном (греховном) поступке (Екатерина II: прелюбодеяние, Николай Мартынов: убийство, Аполлон Григорьев: алкоголизм; Николай Макаров: обвинение-донос в мошенничестве и проч.).

III. Исповеди-когниции (познания) позитивистского толка (*психико-физиологические*), основу которых обуславливает процесс естественно-научного самопознание автора (Николай Огарев,

---

⁵⁰ Н.С. Мартынов, *Моя исповедь*, [в:] М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, сост., подг. текстов, вст. ст. и примеч. М.И. Гиллельсона и В.А. Мануйлова, Москва 1972, с. 398.

Анастасия Каирова) или познание/описание внешнего мира (Евдоким Лачинов).

IV. Исповеди–очерки творческого пути, литературной биографии автора (*литературные*) (Алексей К. Толстой; Александр Орлов).

V. Исповеди-проповеди – пропаганда, выражение социально-политических воззрений (*политические*), автобиографическую сюжетику которых определяют различные факторы: 1) становление, развитие и утверждение религиозной, философской, политической, социальной, этической идеи, доктрины, позиции, мировоззрения в целом (Петр Вяземский, Николай I, Александр Баласогло, Петр Лавров, др.); 2) отход / отказ, раскаяние (рenegатство) автора – истинное или мнимое – от прежних политических убеждений и переход/ возвращение на позиции православия и монархии (Михаил Бакунин, Василий Кельсиев, Иван Прыжов, Лев Тихомиров).

5

Исповедь не исчезает и в начале XX в. В творчестве Брюсова, Белого, Блока, Дурылина⁵¹ встречаются ее образцы, но содержание и авторское отношение к ней изменились. Это можно увидеть воотчию, если сравнить характер исповедальной интенции, отмеченной Достоевским в 1840-е гг. и Валентином Свенцицким в начале нового столетия. Достоевский в свое время констатировал не только всеобщность исповедальности, но и ее полезную, хотя и болезненную очистительность для личности, открывшей способность публичного самоанализа и самооценки. В XX в. прозаик, философ, богослов Валентин Свенцицкий (1881-1931), создавая свои глубоко исповедальные *Записки странного человека*, продолжает размышлять об исповеди и ее значении (ориентируясь и на Достоевского). В *Предисловии* он вновь отмечает потребность в исповеди героя нового времени, хотя значимость покаяния здесь уже не столь очевидна. У исповедующегося нет конкретного

---

⁵¹ См.: Ал. Блок, *Исповедь язычника* (1918); С. Дурылин, *В школьной тюрьме. Исповедь ученика* (1907); А. Белый, *Каменная исповедь. По поводу статьи Н.А. Бердяева «К психологии революции»* (1908); Вал. Брюсов, *Моя исповедь. «Правда о смерти Н.Г. Львовой»* (1913) и др.

адресата, кроме некоего весьма абстрактного читателя, отсюда безнадежные риторические вопросы: «кто верит публичной исповеди? Да и какое имею я право публично исповедываться? (...) Кому нужна моя исповедь?»⁵². По сути, повествователь, казалось бы, страшится публичности, не видит смысла в собственной социализации. Но и при этом исповедь остается единственной формой истинной/искренней самооценки и, что сейчас еще более важно – самоспасения:

Двойственность (...) жизни, невозможность никому открыть душу, по правде, по совести; невозможность нигде и никогда побыть самим собой (...) измучили, утомили (...) душу (...) захотелось хоть на бумаге (...) сбросить с себя «добродетельного» двойника, который в действительности нисколько на меня не похож (...) хоть на бумаге сказать то, о чём боишься даже подумать, точно могут подслушать эти думы; нарушить эту проклятую комедию, которую я играю, чтобы спастись от ужасного призрака смерти⁵³.

Оказывается, только исповедь может дать герою-повествователю (безнравственному, аморальному эгоисту) возможность «хоть на несколько часов побыть самим собой – и получить в виде этой бумаги и этого пера наконец того молчаливого собеседника, который всё выслушивает и всё забудет»⁵⁴. Это признание – свидетельство того, что социализация, даже в такой условно-пассивной форме «обобщённого другого» (бумаги и пера), необходима, поскольку в противном случае личность утрачивает не только способность для выражений мыслей, восприятий, действий и проч., но теряет самое себя. В *Послесловии* автор настаивает на автобиографизме, поясняя: исповедь – это «не простой продукт воображения, не просто художественный образ, а нечто имеющее более органическую связь с моей душой»⁵⁵. Одиноким автор, изнемогающий от страха – в равной степени и жизни, и смерти – все-

---

⁵² В.П. Свенцицкий, *Антихрист (Записки странного человека)*, изд. 2-е с послесл., Санкт-Петербург 1908, с. 5. <http://books.e-heritage.ru/book/10076560>, [дата доступа: 01.10.2019].

⁵³ *Ibidem*, с. 23.

⁵⁴ *Ibidem*, с. 24.

⁵⁵ *Ibidem*, Свенцицкий В.П., *Антихрист (Записки странного человека)*, изд. 2-е с послесл., Санкт-Петербург 1908.

таки ищет пути выхода из уединенного сознания, стремясь к преодолению состояния расколотости между «я» и окружающим миром.

* * *

Итак, подводя предварительные итоги, можно констатировать, что в исповедях XIX в. могут доминировать разные авторские интенции: стремление к сохранению принципов религиозного обращения; направленность на откровенность признания (истинного или ложного); сосредоточенность на самооправдании в осознании конкретной ситуации, поступка, проблемы и проч. Интенциональность обусловливает некую дискурсивную разнородность: исповеди-обращения, как правило, духовно-напряженные, многоаспектные, неоднозначные в оценках; исповеди-признания – внешне детерминированные; исповеди-оправдания и самопознания – обязательно аналитичные, – при этом все они инспирированы той или иной кризисной ситуацией, в которой вольно или невольно оказался их автор.

Библиография

- Багницкий Д., *Политическая исповедь современного поляка*, Санкт-Петербург 1897.
- Бакунин М.А., *Исповедь*, ком. Ю.М. Стеклов, Санкт-Петербург 2010.
- Быков П., *Н.П. Макаров (Некролог)*, „Всемирная иллюстрация” 1891, т. XLV, № 3, 12 января, с. 47-48.
- Вяземский П.А., *Полное собрание сочинений*: в 12 т., Санкт-Петербург 1878-1896.
- Декабристы об Армении и Закавказье*. (Сборник документов и материалов), ч. 1, Ереван 1985 [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/ XIX/ 1820-1840/Lacinov_E_E_II/pred.htm](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Lacinov_E_E_II/pred.htm). [дата доступа: 01.10.2019].
- Дело Петрашевцев*: в 2 т., т. 2, отв. ред. В.А. Десницкий, Москва-Ленинград 1941.
- Добролюбов Н.А., *Собрание сочинений*: в 9 т., т. 5: *Статьи и рецензии (июль-декабрь 1859)*, Москва-Ленинград 1962, http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_1410.shtml. [дата доступа: 01.10.2019].
- Достоевский Ф.М., *Собрание сочинений*: в 15 т., т. 2: *Повести и рассказы 1848-1859*, Ленинград 1988.
- Звягинцев А.Г., *Роковая Фемида. Драматические судьбы знаменитых российских юристов*, Москва 2012.
- Карамзин Н.М., *Избранные сочинения*: в 2 т., т. 1, Москва-Ленинград 1964.

- Кельсиев В.И., *Исповедь*, подгот. к печати Е. Книгисепп, вст. ст. и ком. М. Клевенского, [в:] *Литературное наследство*, т. 41-42, кн. 2, Ленинград 1941.
- Лавров П.Л., *Биография-исповедь*, [в:] Лавров П.Л., *Философия и социология. Избранные произведения*: в 2 т., т. 2, сост. и примеч. И.С. Книжника-Ветрова, Москва 1965.
- Леонтьев К.Н., *Полное собрание сочинений и писем*: в 12 т., т. 6 (2), ред. В.А. Котельников, О.Л. Фетисенко, Санкт-Петербург 2004.
- Луцевич Л.Ф., *„Авторская исповедь” Гоголя: текст и контекст*, [в:] *Двести лет Гоголя*, ред. В. Шукин, Kraków 2011, s. 27-37.
- Луцевич Л.Ф., *«Буду говорить, как сам видел, чувствовал – от чистого сердца...»*, [в:] *Текст и традиция*, альманах 6, гл. ред. Е. Водолазкин, С-Петербург 2018, с. 107-127.
- Луцевич Л.Ф., *«Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожился бы неизбежно предстоящей мне смертью?» (Исповедальные размышления Льва Толстого о смерти)*, [w:] *Slavica Wratislaviensia, Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich*, t. 13: *Tanatos*, red. Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak, współpraca Sylwia Kamińska-Maciąg, Wrocław 2018, s. 191-203.
- Луцевич Л.Ф., *«Исповедь» Константина Леонтьева: текст и контекст*, [в:] *Текст и традиция*, альманах 4, гл. ред. Е. Водолазкин, С-Петербург 2016, с. 41-58.
- Луцевич Л.Ф., *«Исповедь» Л.Н. Толстого*, [в:] *Рецепция личности и творчества Льва Толстого*, сост. и науч. ред. Л.Е. Бушканец, Казань 2017, с. 7-37.
- Луцевич Л.Ф., *Авторрецепция как попытка формирования литературной репутации в «Авторской исповеди» Николая Гоголя*, [в:] *Творчество Гоголя и русская общественная мысль. XIII Гоголевские чтения*, Москва 2013, s. 176-184.
- Луцевич Л.Ф., *Вопрос о смысле жизни в «Исповеди» Л.Н. Толстого*, [в:] *Славянские чтения VIII*, Daugawpils 2011, s. 65-77.
- Луцевич Л.Ф., *Исповедь как авторский житнетекст в антропологической перспективе*, [в:] *Антропология литературы: методологические аспекты проблемы*: в 3 ч., 1 ч., гл. ред. Т.Е. Автухович, Гродно 2013, с. 11-20.
- Луцевич Л.Ф., *Исповедь как литературный жанр в России XIX века*, [в:] *XVI Međunarodni kongres slavista (Београд 20-27 VIII 2018)*. Тезе и Резимеи у два тома, т. 2: *Књижевност, култура, фолклор. Питања славистике*, ред. Бошко Suvajdžić, Београд 2018, с. 113-114.
- Луцевич Л.Ф., *Исповедь Льва Толстого: анализ, покаяние, поиски истины веры*, „Slavia Orientalis”, Rocznik LIX, nr 4, Warszawa 2010, s. 467-486.
- Луцевич Л.Ф., *Константин Леонтьев: Авторрецепция и/или автопиар?* „Slavia Orientalis” 2016, nr 3 (t. LXV), s. 465-477.
- Луцевич Л.Ф., *Писательская исповедь Николая Гоголя как опыт «внутреннего строения» (В свете биографической концепции Ю.М. Лотмана)*, „Studia

- Rossica Gedanensia 2", red. E. Konefał, W. Stec, K. Wojan, Gdańsk 2015, s. 196-205.
- Луцевич Л.Ф., *Писательская исповедь: к вопросу о типологии*, [w:] *Autobiografie pisarzy rosyjskich*, Studia Rossica XXI, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, Warszawa 2012, s. 19-30.
- Луцевич Л.Ф., *Польский вопрос в «Исповеди» Василия Кельсиева*, [w:] *Polska – Rosja: dialog kultur*. Tom poświęcony pamięci profesor Jeleny Cybienko, Studia Rossica XXII, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, Warszawa 2012, s. 135-150.
- Луцевич Л.Ф., *Разновидности русской писательской исповеди*, [w:] *Człowiek Świadomość. Komunikacja. Internet*, red. L. Szypielewicz, Warszawa 2012, s. 858-864.
- Луцевич Л.Ф., *Ранние дневники Льва Толстого как автопретекст «Исповеди»*, „Studia Rossica Gedanensia”, t. 5, Gdańsk 2018, s. 185-199.
- Луцевич Л.Ф., *Русская авторская исповедь XIX в.*, [w:] *Z Polskich Studiów Slawistycznych*, seria 13, t. 1, *Literaturoznawstwo. Kulturoznawstwo. Folklorystyka*, Prace na XVI Międzynarodowy Kongres Slawistów w Belgradzie 2018, red. B. Zieliński, Poznań 2018, s. 157-167.
- Макаров Н.П., *Ко всей читающей русской публике*, [в:] Макаров Н.П., *Извлечения и выдержки из моих семидесятилетних воспоминаний*, [Санкт-Петербург 1881-1882].
- Макаров Н.П., *Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь*, ч. 1-2, Санкт-Петербург 1881-1882.
- Мартынов Н.С. *Моя исповедь*, [в:] *М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников*, сост., подг. текстов, вст. ст. и примеч. М.И. Гиллельсона и В.А. Мануйлова, Москва 1972, с. 398-401.
- Нерсисян М.Г., *Декабрист Е. Лачинов и его записки об Армении*, [в:] *Из истории русско-армянских отношений*, кн. 1, Ереван: 1956, с. 179-220. http://www.vostlitinfo/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Lacinov_E_E/pred2.htm, [дата доступа: 01.10.2019].
- Огарев Н.П., *Избранное*, вст. ст., подг. текста и примеч. Г. Елизаветиной, Москва 1977.
- Орлов А., *Моя жизнь или исповедь: московские происшествия Александра Орлова*, в 2 ч., Москва 1832.
- Прыжов И.Г., *Очерки. Статьи. Письма*, ред., вв. ст. и комм. М.С. Альтмана, Москва-Ленинград 1934.
- Свенцицкий В.П., *Антихрист (Записки странного человека)*, изд. 2-е с послесл., Санкт-Петербург 1908. <https://religion.wikireading.ru/227772>, [дата доступа: 01.10.2019].
- Сдвижков Д., *Новая личность и новая религиозность в русской автобиографии XVIII – первой половины XIX века*, [в:] *Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века*, ред. Л. Манчестер, Д. Сдвижкова, Москва 2019, с. 29-59.

- Соколянский М.Г., *Повесть Б.М. Эйхенбаума «Маршрут в бессмертие» как опыт филологической прозы*, [в:] „Вісник Дніпропетровського університету” им. Альфреда Нобеля, сер. «Філологічні науки» 2012, № 2 (4), с. 11-24.
- Тихомиров Л.А., *Прошени о помиловани*, [в:] Тихомиров Л.А. *Воспоминания*, предисл. В.И. Невского, вступ. статья В.Н. Фигнер, Москва-Ленинград 1927, с. 240-251.
- Толстой А.К., *Собрание сочинений*: в 4т., т.4, под ред. И. Ямпольского, Москва 1969.
- Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы*. Собрал и дополнил А.В. Смирнов. Вып. 4-й. <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/aleksandrov/r/66-1-0-2726>, [дата доступа: 01.10.2019].
- Фуко М., *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*, сост. пер. с франц., комм. и послесл. С. Табачниковой, Москва 1996.
- Эйхенбаум Б.М., *Маршрут в бессмертие*, Москва 1933.
- Ярмонкин В.В., *Исповедь души: (Этюды из жизни молодого человека)*, Санкт-Петербург 1879.

**“A UNIVERSAL CONFESSION IS COMING”: CONFESSIONAL WORKS
BY RUSSIAN AUTHORS DURING THE 19th CENTURY**

Abstract: In this article, the author aims to draw attention to the genre of Russian autobiographical confession. A brief overview of the group of the most representative texts of the 19th century is given, and the experience of their primary classification is presented. With a certain degree of conditionality, the author of the article identified several varieties of autobiographical confessions: 1) confession-repentance (repentance and conversion), 2) confession-recognition (author’s self-justification), 3) confession-cognition (natural-scientific self-knowledge), 4) confession – literary biography (essay on life and work), 5) confession-preaching (propaganda of certain ideas).

Keywords: *Russian autobiographical confession, review, classification, repentance, recognition, cognition, literary biography, sermon*